

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Д.Н. ЗАМЯТИН

ПОНЯТИЕ ГЕОКУЛЬТУРЫ: ОБРАЗ И ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Образ геокультуры¹ является максимально дистанцированным и опосредованным представлением «рельефа» культуры. Геокультура в этом отношении — процесс и результат развития географических образов в конкретной культуре, а также определенная традиция осмысления этих образов. В совокупности они создают геокультурное пространство — систему устойчивых культурных реалий и представлений на определенной территории, формирующихся в результате взаимодействия различных вероисповеданий, традиций и норм, ценностных установок, структур восприятия — то есть картин мира. Интерпретация культурно-географических образов означает переход на метауровень относительно процессов репрезентации общественных явлений [1].

Культура и географические образы. В традиционных обществах семиотические коды географического пространства часто имели синкретический и уникальный характер. Решающая трансформация произошла в Новое время, когда разработка картографических проекций предопределила универсальные способы его репрезентации. Дальнейшее развитие образов географического пространства связано с их известной автономизацией: они становятся в некотором смысле обособленной «географической» субкультурой, соотносящейся с другими системами социальных представлений. В то же время возникают самостоятельные типы географических пространств — политико-географические, культурно-географические, социально-географи-

Замятин Дмитрий Николаевич — кандидат географических наук, доцент Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198 Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6.. **Телефон:** 129-19-93. **Электронная почта:** belash@ginet.ru

¹ Понятие геокультуры в социальных науках активно используется И. Валлерстайном. Оно тесно связано с концепцией мир-системного анализа и рассматривается прежде всего в контексте глобальных геополитических и геоэкономических проблем.

ческие, экономико-географические — которые репрезентируются специфическими системами образов. Большинство современных цивилизаций и культур как бы экспортирует свои образы географического пространства, которые взаимодействуют с чужеродными образами, порождая гибридные, композитные сочетания. На традиционное физико-географическое пространство накладываются многочисленные «слои» различных по происхождению и способам функционирования образов. Проблема заключается в том, чтобы установить механизмы и каналы трансформаций геокультурного пространства. Так, на уровнях страны, региона, небольшой местности могут формироваться принципиально разные образы географического пространства².

Геокультурные образы. Образ геокультуры рассматривается в первую очередь в контексте процессов глобализации и регионализации [3, 4]. По-видимому, следует говорить о множественных геокультурах. Определенное место, регион, страна имеют свой геокультурный и одновременно образно-географический потенциал. Геокультурный потенциал измеряется силой проецируемых вовне специализированных географических образов, которые сосуществуют и взаимодействуют в различных геокультурных пространствах. Геокультурный образ — это система наиболее мощных, ярких и масштабных геопространственных знаков, символов, характеристик, описывающая особенности развития и функционирования культур и цивилизаций. Геокультурные образы относятся по преимуществу к экзогенным географическим образам, то есть к таким, в формировании которых большую роль играют смежные (соседние) образы. Например, в формировании геокультурного образа России «участвуют» географические образы Евразии, Восточной Европы, Балтийского и Черноморского регионов, Кавказа. Геокультурные образы определяют глобальные стратегии поведения наиболее крупных политических, экономических и культурных акторов. Так, политическое доминирование Китая в Восточной, Юго-Восточной и Центральной Азии на протяжении длительного исторического периода было основано на трансляции и оседании (седиментации) китайских культурных ценностей и образов на новых территориях и, зачастую, на достижении господства.

Иногда роль геокультуры, «излучающей» и распространяющей свои образы, выполняют крупные и мировые религии. Несомненными геокультурами являются ислам, буддизм, католичество, протестантизм. К геокультурам относится и большинство империй, формирующих свои культурные круги (геокультурные периферии). Например, в Средние века отчетливые геокультурные периферии были созданы Византийской империей и Арабским халифатом. «За спиной» подобных империй стоит, как правило, крупная цивилизация, которая порождает одну или несколько геокультур.

Геокультурные образы и цивилизационные границы. Цивилизации и культуры можно рассматривать как географические образы, которые как бы заряжают окружающее их пространство, поляризуют его. Под геоцивилизационным пространством можно понимать систему крупных цивилизационных «ядер» и различного рода цивилизационных зон, чьи типологии непосредственно не зависят от реальных географических расстояний, отде-

² Особенности формирования образа страны рассмотрены в публикации [2].

ляющих их от того или иного «ядра». Взрывные и динамичные, часто неустойчивые и слабо оформленные, даже вторичные цивилизации формируются на глобальных культурных границах. Таковы, например, российская и латиноамериканская цивилизации, которые периодически страдали, соответственно, «европоманией» и «нордоманией» [5]. Аутентичность любой цивилизации проверяется через их «умещение» в собственном географическом положении, в его осознании как естественного цивилизационного фундамента. Такова, конечно, европейская цивилизация, чье географическое положение стало ее самой емкой характеристикой и, по сути, ее определением. Вновь возникающие, молодые цивилизации как бы питаются чужими геоцивилизационными границами, будучи сами в широком смысле границами. Но по мере их становления чужие границы отбрасываются, политические границы перешагиваются — таким образом формируется новая цивилизационная топография. В частности, границы исламских тарикатов проведены без всякого учета государственных границ [6] — ислам поистине надгосударственная религия, в этом смысле он является наиболее геокультурным, «геоцивилизационным».

Современная география цивилизаций — это мир налагающихся, соприкасающихся, взаимодействующих геоцивилизационных мифов и образов. Миф об Азии укреплялся тысячелетиями; он, конечно же, европоцентричен и начинает «рассыпаться», как только утрачивается «европейская» точка зрения. «Реальная Азия большей частью заменяется на вербальные образы, — пишет Д. Стивман. — Антитеза между духовным Востоком и материалистическим Западом заглушает все голоса из Азии, кроме голосов монахов и брахманов...» [7]. Могут фрагментироваться и менее крупные геоцивилизационные образы: индуистская цивилизация оказывается при ближайшем рассмотрении чрезвычайно фрагментированной, разнообразной именно географически, чего не видно при традиционном ее противопоставлении, скажем, миру ислама. Очевидно, что геоцивилизационные образы одного масштаба не редуцируются к более низким уровням, всякий раз на каждом уровне возникает своя, в чем-то новая география цивилизаций. Таким образом, структуру геоцивилизационных пространств задает масштаб геокультурного рассмотрения, эти пространства хотя и могут «вкладываться» друг в друга, но представляют собой различные структуры. Так европейская цивилизация может мобилизовать миф Азии как некую «отсутствующую структуру» (в смысле Умберто Эко), в свою очередь, географический образ исламской или буддийской цивилизаций естественно продуцирует образ Европы, не имеющий ничего общего с ее саморефлексией.

Межкультурная и межцивилизационная адаптация: связь геополитики и геокультуры. Процессы межкультурной и межцивилизационной адаптации происходили на протяжении всей истории цивилизаций. Их связь наиболее отчетливо проявляется во взаимодействии геополитических и геокультурных образов в определенном пространстве, которое подвержено цивилизационной турбулентности. Такое взаимодействие происходило в течение нескольких столетий в ходе расширения Российского государства (XVI—XIX вв.). Динамика геополитических образов России определялась не известным «маятником» «Европа—Азия» (Запад — Восток), а прежде всего экспансией самого образно-географического поля России, быстрым «захва-

том» все новых и новых потенциально ярких географических образов, которые требовали и соответствующей геополитической «огранки» и опирались на вновь создаваемые механизмы межкультурной и межцивилизационной адаптации. Неудача при создании таких механизмов обычно ведет к образно-геополитической невыраженности части системы и, в конечном счете, ее деградации. Например, стремительная военная экспансия Российской империи в Средней Азии во второй половине XIX века и включение этого региона в сферу ее внешне- и внутривосточных интересов не сопровождалась четко артикулированными политическими и геополитическими образами. Чем более втягивалась Россия в Среднюю Азию, соперничая с Великобританией, тем более одномерным становился ее геополитический образ (по преимуществу, «европейской державы»), механизмы межкультурной адаптации так, по существу, и не были обеспечены [8].

Структура геокультурного пространства: пример Византии. Для анализа структуры геокультурного пространства пригодна введенная Д. Оболенским по отношению к Византийской империи модель Содружества Наций, скопированная в первом приближении с Британского Содружества Наций. Она позволила описать те скрепы, которые соединяли Византию и то множество народов и культур, которое она притягивала. Пространство Византии — каким оно сформировалось за тысячу лет — оказалось очень пластичным и реактивным. Оно втягивало в себя венгров, половцев, печенегов, болгар, чехов, сербов, хорватов, русских, скандинавов, румын, армян, грузин. Геополитические пульсации византийского пространства, которые были связаны с нашествиями различных народов, привели к его тонкой структуризации — от ядра к периферии. Административно-территориальная организация ядра византийского государства, создание фемов на вновь завоеванных территориях, иерархическая система византийских титулов и обращений к разным союзным властителям, расчленение периферии на несколько специализированных геополитических зон (например, Северное Причерноморье) — все это способствовало политическому «долголетию» Византии.

Народы, которые попали в культурную и политическую орбиту Византии, на пиках своего политического подъема, заимствовали геополитические инструменты своего «патрона». Так поступили, в первую очередь, болгары и сербы, которые в XIV веке даже столкнулись между собой в попытке как можно быстрее завладеть имперским наследием Византии [9, с. 253–289]. Интересно, что идеальным центром имперского господства на Балканском полуострове был город Скопье, и в период сербской экспансии он чуть было и не стал таковым [9, с. 267]. Сам же центр Византии — Константинополь — находился как бы на периферии различных географических регионов, где Византия проводила свою имперскую политику — Балканского полуострова, Малой Азии, Причерноморья. Геополитическое пространство Византии как бы вывернуло наизнанку физическую географию подвластных ей территорий.

Геокультурное могущество Византии возрастало в противофазе геополитическому. В той мере, в какой постепенно сокращалось ее геополитическое пространство, расширялось пространство геокультурное, долговременность которого оказалась куда большей [9, с. 289–309]. В период своего наибольшего могущества Византия политически не оказывала серьезного влия-

ния на Русь, но по мере византийского политического «дряхления» ее культурное влияние проглядывало все более и более. Даже после падения Византии московские князья долго не решались посягнуть на права константинопольского патриарха, а после учреждения московского патриархата в 1589 году чин московского патриарха ставился ниже чина всех других православных патриархов.

Геокультурное пространство Византии было, по существу, еще более пластичным и гибким, нежели геополитическое пространство. Оно продолжало функционировать в автономном режиме и после падения Византийской империи, хотя основные культурные связи Византийского Содружества Наций были как бы отжаты, отодвинуты Османской империей на север Балкан и на Русь, в пределы Сербии, Румынии, Молдавии и Московского государства. Это геокультурное пространство имело, в отличие от пространства геополитического, довольно «мягкую» структуру, внутренние культурные границы представляли собой, скорее, ряд переходных геокультурных зон — таковой, например, была культурная граница между восточносербским и западноболгарским искусством — прочертить ее в виде линии на географической карте невозможно. Основными проводниками геокультурного влияния Византии были, естественно, ее церковные иерархи, поставляемые на периферию православного круга. Византийские епископы XII века представляли собой людей «двойного естества и двух языков» [9, с. 460]. Кроме этого, исключительно важную роль играл древнецерковно-славянский язык, созданный как бы по заказу Византии для нужд ее геокультурной периферии. Со временем этот язык в немалой степени способствовал сохранению и консервации византийского культурного наследия. Византийское геокультурное пространство было во многом космополитическим: на Афоне уживались греческие, русские, сербские, румынские монахи, а различного рода переписчики и переводчики священных книг на национальные языки создавали цепь эффективных культурных коммуникаций, которые пронизывали это пространство, насыщали его и делали более плотным.

Геокультурное и геополитическое пространства были хорошо взаимосвязаны. Естественное сращивание светской и духовной власти в рамках Византийского Содружества Наций привело к обретению Византией своеобразного метаполитического «мессиджа» — идеи Вселенской Восточной Римской империи. Наиболее четко эта идея была оформлена в послании вселенского патриарха Антония московскому князю Василию I (между 1394 и 1397 годами) [9, с. 281]. После падения Византии Московская Русь удачно «перехватила» этот «мессидж», но, как заметил Д. Оболенский, русская внешняя политика следовала на практике не декларируемой идее «Москва — Третий Рим», а, скорее, «Москва — второй Киев» [9, с. 391]. Во внешнеполитическом плане Московское государство быстро отошло от византийского наследия. Отторжение идей Максима Грека и его длительное заключение наглядно подтверждают направленность русской политики, которой, по сути, не было дела до захваченного турками Константинополя.

Византийское геокультурное пространство было неоднородным — его периферия отличалась известным религиозным синкретизмом, а процессы аккультурации проходили достаточно медленно. Так, описание амулета, найденного в 1821 г. недалеко от Чернигова (предполагается, что он мог

принадлежать Владимиру Мономаху), наглядно иллюстрирует процесс слияния и взаимодействия языческих и православных традиций, славянско-греческое двуязычие [9, с. 484].

Геокультура и образно-географическая картина мира. Географическое разнообразие отдельных регионов, стран и континентов делает практически невозможным представление о некоем едином, магистральном образе мирового развития в его цивилизационных, социальных, политических и экономических контекстах. Образ (образы) мирового развития — это системы скоординированных «цепочек», или кластеров целенаправленных, специфических географических мегаобразов, включающих в себя устойчивые представления о динамике геопространственного развития тех или иных человеческих сообществ [10]. Сложность исследования подобных географических образов состоит в необходимости согласования различных представлений о внутренней и внешней динамике отдельных мегаобразов: например, изучение географического образа арабского мира неизбежно связано с созданием адекватных процедур соотнесения представлений «изнутри» арабского мира с представлениями «извне» его — вполне возможно, с нескольких точек зрения (европейской, российской, американской и т. д.). Аналогичная мысль высказывается И. Валлерстайном [11].

Парадокс образной геоглобалистики заключается в невозможности достаточно корректного формирования единого географического образа мирового развития. По-видимому, невозможно — по крайней мере, в первом приближении — создание сетевой системы плотно увязанных между собой географических образов мирового развития различного масштаба в виде специфических образных «матрешек». Например, образы развития стран Юго-Восточной Азии укладываются в представления о развитии Азии в целом. Подобные конструкции невозможны в силу динамичности самих образно-географических конфигураций, часто захватывающих фрагменты первоначально чужих образно-географических полей, или, наоборот, уступающих части своего образно-географического «домена». Так, географические образы развития Японии частично входят в евро-американский образно-географический домен (преимущественно, образно-геоэкономический и частично образно-геокультурный); в то же время можно проследить образно-географическую экспансию Японии в этот же домен, а также в общеазиатское образно-географическое поле (частично, образно-геоэкономическая экспансия — в сфере организации производства, менеджмента, деловой культуры, а также образно-геокультурная экспансия — «экспорт» автохтонных экзотических образных представлений об Японии).

Современная образно-географическая картина мирового развития представляет собой продукт взаимодействия нескольких мощных образно-географических мегатрендов, формирующих доминирующие формы ее «рельефа». Под образно-географическим мегатрендом понимается магистральная траектория развития какого-либо географического образа, сопровождающаяся его качественными трансформациями; при этом сам образ должен «захватывать» в реальном пространстве часть света, континент (или его часть) или крупный геополитический, геоэкономический, геокультурный регион мира. «Рельеф» образно-географической картины мирового развития создается путем дистанцирования от каких-либо политических, экономиче-

ских, культурных событий мирового значения; фиксации ментальных «расстояний» и затем параметризации самих образов с помощью специфических географических (геоморфологических) понятий. Важные моменты в формировании подобного «рельефа» — это желательная визуализация представлений о нем, а в методологическом плане — осознание опосредованности этих представлений по отношению к реальному географическому пространству. Так, целенаправленными геодивизионными «конусами выноса»³ евро-американской цивилизации можно назвать Латинскую Америку, часть Юго-Восточной Азии и Ближнего и Среднего Востока. С глобальной образно-географической точки зрения происходит процесс евро-американской геоэкономической и, частично, геокультурной «пенепленизации» Евразии и Южной Америки. Наряду с этим можно говорить о начальных стадиях образно-географического цикла (по аналогии с классической геоморфологической теорией Дэвиса) Восточной Европы, Центральной Азии и, возможно, Южной Азии. Это означает экспансию и «возвышение» указанных географических образов и их естественную глобализацию, когда артикуляция и манипулирование этими образами будут занимать значительную часть мирового образно-географического пространства. Естественная глобализация географических образов трактуется здесь как включение господствующих представлений об оптимуме мирового развития (в определенную эпоху) в конкретные географические образы и дальнейшая их локализация («доместикация») в рамках традиционных географических представлений. Благодаря этому процессу традиционное географическое пространство, чей глобальный образ зародился в эпоху Великих географических открытий, становится как бы более домашним, более «размещенным».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Замятин Д.Н.* Географические образы в гуманитарных науках // *Человек*. 2000. № 5. С. 81–88.
2. *Замятин Д.Н.* Образ страны: структура и динамика // *Общественные науки и современность*. 2000. № 1. С. 107–115.
3. *Hall S.* The Local and the Global: Globalization and Ethnicity // *Culture, Globalization and the World-System. Contemporary Conditions for the Representation of Identity* / Ed. by A.D. King. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1997. P. 19–41.
4. *Hannerz U.* Scenarios for Peripheral Cultures // *Culture, Globalization and the World-System. Contemporary Conditions for the Representation of Identity* / Ed. by A.D. King. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1997. P. 107–129.
5. *Родо Х.Э.* Ариэль против Калбана: «нордомания» и проблема латиноамериканской самобытности // *Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия* / Сост., ред. и вступ. ст. Б.С. Ерасова. М.: Аспект Пресс, 1998. С. 442–444.

³ Конус выноса — «...форма рельефа, образованная скоплением рыхлого обломочного материала, отложенного постоянным или временным водотоком у нижнего конца оврага, балки или долины, где происходит резкое уменьшение живой силы потока. Имеет вид плоского полуконуса, обращённого вершиной против течения водотока. Особенно большие К. в. образуются при выходе горных рек на прилегающую равнину» [12].

6. *Ходжсон М.* Роль суфийского мистицизма в исламской цивилизации // Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия / Сост., ред. и вступ. ст. Б.С. Ерасов. М.: Аспект Пресс, 1998. С. 364.
7. *Стидман Дж.* «Миф об Азии» // Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия / Сост., ред. и вступ. ст. Б.С. Ерасов. М.: Аспект Пресс, 1998. С. 261.
8. *Замятин Д.Н.* Моделирование геополитических ситуаций (На примере Центральной Азии во второй половине XIX века) // Политические исследования. 1998. № 2. С. 64–77; № 3. С. 133–147.
9. *Оболенский Д.* Византийское Содружество Наций: Шесть византийских портретов. М.: Янус-К, 1998.
10. *Замятин Д.Н.* Географические образы мирового развития // Общественные науки и современность. 2001. № 1. С. 125–138.
11. *Wallerstein I.* The National and the Universal: Can There Be Such a Thing as World Culture? // Culture, Globalization and the World-System. Contemporary Conditions for the Representation of Identity / Ed. by A.D. King. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1997. P. 95.
12. Четырехязычный энциклопедический словарь терминов по физической географии / Под ред. А.И. Спиридонова; Сост. И.С. Щукин. М.: Советская энциклопедия, 1980. С. 204.